
Отшельник
Марк Лэйн

Марк Лэйн

Отшельник

Повесть

Оглавление

От автора

Эпиграф

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Эпилог

Об авторе

От автора

Иногда человек уходит от людей не потому, что ненавидит их.

Иногда он просто устаёт от шума, ожиданий и чужих представлений о том, каким должен быть.

Герой этой повести сделал выбор, который большинству покажется странным. Он отказался от привычной жизни и остался наедине с собой.

Но можно ли по-настоящему спрятаться от мира? И всегда ли одиночество означает свободу?

Об этом — «Отшельник».

«Отшельник» — одна из моих первых больших работ.

За годы многое изменилось: изменился я сам, изменились мои взгляды на литературу и на жизнь. Сегодня некоторые страницы этой повести я написал бы иначе.

Но именно с неё началось моё стремление рассказывать большие истории, создавать собственные миры и идти за героями до конца их пути.

Поэтому эта книга остаётся для меня особенно дорогой.

«Все несчастья человека происходят оттого, что он не умеет спокойно сидеть один в своей комнате».

(Блез Паскаль)

Глава первая

Я лежал на песке и смотрел в небо. На этом острове звёзды и планеты огромные, как на картинах Ван Гога. Здесь нет людей, нет диких зверей — нет никого. Только я и моя собака, большой старый лохматый Джим.

На этом кусочке суши прошло самое счастливое время моей жизни. Оно продолжалось совсем недолго. Когда всё закончилось, я остался — так и не смог уехать отсюда. Остров, который можно обойти за час, если не останавливаться, стал моим домом. Его не найти на географической карте — он затерялся среди таких же крошечных островков в Тихом океане, к северу от Гуама.

Когда-то, ещё на большой земле, мы с Эви верили, что есть место, куда можно убежать от всех — туда, где нас ждёт счастье. Долго искали его. Бросили всё и приехали.

Потом «мы» закончились. Остался только я и мой верный Джим.

Раз в неделю сюда приплывает лодка — обходит десятка два островков архипелага и привозит продукты. Их заказывают человек сорок таких же одиноких романтиков, как и я. Иногда вместе с продуктами доставляют почту — если кто-нибудь ещё помнит о нас и пишет.

Мне не пишет уже никто.

Что я здесь делаю и почему не уеду назад, на большую землю — к цивилизации, мягким диванам, толпам людей,

ломящимся от продуктов магазинам, современным технологиям и всеобщему безразличию?

Нет уж, спасибо. Я уже сделал свой выбор — не хочу возвращаться.

Шум океана — то грозный и буйный, то приглушённый и монотонный — но всегда непрерывный, не смолкающий ни на минуту — необходим мне как воздух, как вода. Кажется, что океан не шумит, а дышит — тяжело и ровно, как живое существо. Когда океан тих, а волны мягко набегают на берег, он шепчет. В этом шёпоте мне слышится её имя.

По утрам, проснувшись, кричат птицы — резко, почти зло. Потом привыкаешь и перестаёшь их слышать.

Морской ветер вдыхаешь полной грудью, как лекарство. Горько-солёная вода омывает и будто очищает тело и мысли.

Всё это есть только здесь.

Может быть, я — отшельник, нашёл свою укромную пещеру подальше от людей, творю поклоны и молюсь каждый божий день?

Нет. Когда-то на материке жил, как все: закончил университет, изучал медицину, работал хирургом, оперировал больных.

Иногда кажется, что руки помнят это лучше, чем я.

Теперь, если заболевает кто-то из живущих поблизости, зовут меня. Это я так говорю «поблизости» — путь от одного острова до другого занимает иногда несколько часов на моторной лодке.

У меня есть рация на солнечных батареях — могу связаться с центром, если больного нужно эвакуировать или запросить лекарства. Но такие случаи редки. Люди здесь закалённые:

целый день на воздухе, спрятаться негде, да и микробов в море почти нет.

Чем я занимаюсь весь день? Это зависит от погоды. Когда океан спокойный, выхожу в море на лодке. Рыбы никогда не бывает много. Хранить её долго не получается: ни холодильника, ни электричества здесь нет. Приходится быстрее солить или коптить. В прочном бетонном доме, где я укрываюсь от проливных дождей, есть подвал — самое холодное место. Там рыба может сохраняться несколько недель, пока не установится погода.

Когда мы с Эви приехали, здесь жил старик-отшельник. Это был его дом, его остров. Он научил нас выживать вдали от цивилизации.

Я пытался узнать, кто этот человек, как попал сюда, спрашивал у него, но он только пожимал плечами и мотал головой.

В первый раз мне не удалось поймать ни одной рыбы — простоял в воде почти час. Он равнодушно смотрел, потом подошёл, взял мою руку и показал, как держать сеть. Через минуту в ней уже билась рыба.

Когда старик умер, я похоронил его на берегу. Он так и не вернулся к людям.

Наверное, и я не вернусь. Когда-нибудь буду лежать рядом с ним — там, где сейчас большой, потемневший от времени камень, с выбитыми инициалами.

Глава вторая

После смерти матери отец совершенно опустился. Он бросил университет, которому посвятил всю жизнь, заперся дома и выходил лишь затем, чтобы купить ящик виски и какие-то продукты. В квартире поселился тяжёлый запах спирта и чего-то затхлого.

Обеспокоенные друзья и знакомые делали всё возможное: звали в гости, приглашали на лекции, пытались познакомить с женщинами. Но он только просил оставить его в покое, бросал трубку и медленно спивался.

Так продолжалось почти год. Однажды вечером раздался звонок:

— Сынок, приезжай сегодня. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я примчался, беспокоясь, в каком состоянии найду его.

Он был трезв, говорил спокойно и ясно. Мы разговаривали весь вечер, не помню, когда ещё так долго общались.

— Я уже давно не пью, — признался он опустив голову. — Виски… не возвращает сознания, а только усиливает душевную боль, превращая человека в безвольного алкоголика. Жаль, не понял этого раньше.

Отец помолчал. Я слушал, не зная, к чему он клонит.

— Сынок, утром я уезжаю. Пойми, очень трудно жить одному в этом доме. Хочу развеяться, увидеть новые места. Да и врачи советуют сменить обстановку.

Он показал подробный план: куда поедет, какие города посетит, где остановится. Продумал всё до мелочей.

Я остался ночевать, чтобы проводить его.

То хмурое утро навсегда осталось в памяти. Мелкий, противный дождь тихо стучал по крыше, по стеклу бежали тонкие струйки.

Наскоро позавтракали, спустили вещи, уложили в багажник. Отец молча шёл рядом. Простились коротко, по-мужски.

Помню его неуверенную походку, сгорбленную спину, рюкзак за плечами. Он медленно подошёл к машине, потом обернулся, словно прощался с домом, помахал рукой. Отец изменился, но меня не покидало чувство, что вижу его в последний раз.

Он позвонил через два дня. Связь трещала и обрывалась. Говорил, как ему нравится дорога: долгие часы за рулём, музыка его молодости, которую он слушает, города, которые проезжает, люди, которых встречает в пути.

Я радовался за него. Казалось, всё плохое осталось позади, и он возвращается к жизни.

Потом отец звонил ещё. Мы долго говорили обо мне, он расспрашивал о планах на будущее.

— Ну и когда ты собираешься жениться? Я очень хочу стать дедом, увидеть твоих детей… Буду воспитывать внуков. Эх, жаль, мать не дождалась.

— Ты же знаешь, отец… сейчас тяжёлое время. Практика в самом разгаре. Целые дни в больнице, вечерами готовлюсь к операциям.

— Ничего, справишься. Ты всегда справлялся, — отвечал отец.

После таких разговоров на душе становилось гораздо теплее.

***

Однажды утром меня срочно позвали к телефону. Я сразу понял: что-то случилось. Звонил врач скорой. Его вызвали в гостиницу к одному из постояльцев. Когда бригада приехала, было уже поздно — обширный инфаркт. Отец умер один в гостиничном номере.

На похороны пришло много людей — коллеги, знакомые, бывшие студенты. Многие приехали из других городов. Ближайшие дороги к кладбищу перекрыли.

Об отце писали в местных газетах, говорили как о педагоге и учёном. Университет учредил премию его имени.

Его похоронили рядом с матерью. Многочисленные венки и свежие цветы засыпали могилу. Земли почти не было видно.

Когда я снова вошёл в дом, увидел его вещи, любимое кресло, книги — не смог сдержать слёз.

Потом нашёл дневники. Они стали для меня откровением. Он писал о вещах, о которых никогда не говорил вслух. Я забрал их с собой, когда навсегда покинул материк.

Оказалось, я совсем не знал своего отца.

Всё откладывал разговоры с ним, думал — успею.

Теперь что-то исправить было уже поздно.

***

Наверное, именно тогда в моей жизни появилась она.

Эвелин — Эви, бывшая студентка отца. Место и время для знакомства были совсем неподходящими, но всё сложилось именно так.

Она позвонила через несколько дней. Спросила, нужна ли помощь. Я не знал, чем она может помочь, но всё же согласился встретиться.

Почему стал видеться с ней? Сам не знаю. Может быть, помнил последний разговор с отцом — его желание увидеть мою семью.

Эви мне нравилась, но встречались мы редко — из-за моей работы.

Однажды сидели в кафе. Она вдруг наклонилась ко мне через стол, так резко, что чашка звякнула о блюдце.

— Я уже всё решила.

— Что именно?

— Уеду отсюда. Найду остров. Настоящий, без людей.

Я усмехнулся, размешал сахар в чашке:

— И где ты его найдёшь?

— Вот, смотри, — ответила Эви и достала большую папку.

Она показывала переписку, схемы, названия островов, перескакивая с одного на другое. Уже ездила смотреть некоторые — но ничего не подошло.

— Здесь одни скалы — ни одного дерева.

А здесь уже живут люди.

А эти… — она усмехнулась, — эти продают. За такие деньги можно купить полгорода.

Я покачал головой:

— Всё это вздор. Пустая трата времени. Ты не найдёшь ни остров, ни даже островок.

Она посмотрела на меня — спокойно, почти равнодушно:

— Я и не зову тебя.

На секунду отвела взгляд, потом снова посмотрела прямо:

— Это моя голубая мечта. Если захочешь — поедем вместе.

Я тогда ничего не ответил. Но уже понимал, что не отпущу её одну.

Она говорила горячо, наклоняясь ко мне, словно боялась, что я не дослушаю. В её глазах было что-то упрямое, почти детское. Казалось, она бросает вызов всему — людям, их привычной жизни, страху что-то изменить.

— Пойми, люди не живут — они существуют. Окружили себя игрушками — телевизорами, компьютерами, телефонами — и уже не могут без этого. Набивают желудки продуктами из магазинов, наполовину состоящими из химии. А случись что — не смогут даже выжить. Ни вырастить овощ, ни поймать рыбу, ни добыть еду. Всё, что умеют, — пойти в магазин и купить полную тележку этой химии.

Ей нельзя было отказать в логике.

И всё же я не верил, что у неё что-то получится. Это казалось фантазией — несбыточной мечтой.

Глава третья

В последнее время замечаю: мозг играет со мной в какие-то странные игры. Иногда слышу чьи-то голоса. Всё чаще возвращается прошлое — люди, с которыми был знаком, пациенты, родители, девушка, которую так и не смог забыть...

Раньше меня занимало совсем другое: поймаю ли достаточно рыбы, сколько удастся собрать плодов с хлебных деревьев, бананов и кокосовых пальм, привезут ли виски на неделю, хватит ли соли.

Теперь это почти не имеет значения. Если улов будет плохим, запасов хватит, чтобы продержаться до следующего удачного дня. Многое делаю почти автоматически, поэтому мысли всё чаще уносят меня куда-то далеко.

Стал разговаривать вслух. Раньше — с собой или с Джимом, чтобы не забыть человеческую речь, слышать свой голос. Теперь — со стариком-отшельником, с отцом, с Эви.

Всё началось с коротких фраз — как продолжение начатых давно разговоров. Спрашивал у отца, правильно ли поступил, у старика — как переждать шторм, у Эви — помнит ли она меня. Порой казалось, что ответы приходят заранее. Но я не понимал их.

Ловил себя на том, что отвечаю вслух — хотя вопросов никто не задавал. Понимал: всё это только в голове. Но выходило слишком реально. Бывало, не мог вспомнить, сказал ли что-то — или только подумал.

Начинался сезон дождей — с июля по декабрь. В это время выпадает столько воды, что кажется: в небе открылась огромная дыра. Оттуда хлещет непрерывный поток, иногда приходят циклоны, сметающие всё на своём пути. Дождь льёт сутками, без перерыва.

Он не прекращается ни днём, ни ночью — только меняет силу.

Вместе с ним размываются границы — мысли, воспоминания. Просыпаюсь и не сразу понимаю, где нахожусь — здесь или там, на материке.

Жара — удушающая, неподвижная. Температура редко поднимается выше тридцати, но влажность становится невыносимой. Кожа всё время липкая, как после жаркой бани. Пить хочется постоянно.

В такие дни отсиживаюсь в бетонном убежище. Этот дом достался мне от старика. Как он его соорудил или откуда взял — загадка. На острове нет таких строительных материалов. Здесь не страшны тайфуны: крыша держится, не течёт.

Когда невозможно выйти, читаю дневники отца. От сырости страницы разбухли, некоторые уже не разобрать. Приходится додумывать, что там написано.

Я уже не уверен, где кончается его мысль и начинается моя.

Отец… как мне не хватает тебя — твоих советов, твоей скупой, мужской любви.

Мама любила иначе, тихо, почти незаметно, боялась побеспокоить.

Скажи, отпустил бы ты меня на этот остров? Или попытался отговорить?

В дневниках ты много писал об университете, о студентах.

Я искал — что ты думал о ней, об Эви, которая стала мне так близка.

Прочитал всё от начала до конца. Но о ней — ни слова.

Почему ты ничего не написал?

Может, она была плохой ученицей — пропускала занятия, грубила, не хотела учить то, что ты задавал.

Может, у неё были конфликты — со студентами, с преподавателями… или с тобой.

Может, ты просто заранее знал, что у нас ничего не выйдет.

Знал, что она осуществит мечту — и поймёт: это не для неё.

Что добьётся — но не того, чего хотела.

И не с тем человеком.

Если бы ты сказал хоть что-то, намекнул — возможно, я не решился бы уехать так далеко, на край света.

Или ты ничего не написал, потому что считал меня плохим сыном?

Оставил тебя одного переживать смерть матери.

Я вспомнил маму. Долгое время почти не бывал в родительском доме — сначала учёба, потом работа, дежурства, больные, операции. Всё время казалось, что успею — поговорить, посидеть рядом, просто побыть с ней. Она и не требовала многого.

С мамой всегда было спокойно.

Когда её не стало, я вдруг понял, что больше никогда не смогу быть рядом с ней.

***

Сначала была только тишина.

Потом — мокрый тёплый нос уткнулся в ладонь. Джим… Он каким-то внутренним чутьём понимает, когда мне плохо, чувствует то, чего я уже не различаю.

Я погладил его лохматую голову.

Верный пёс… когда-нибудь и ты оставишь меня одного. Иначе не сможешь — мы прожили вместе долгие годы.

Замечаю, как ты тяжело дышишь. Не сразу приходишь на мой зов. Ты совсем стар.

До тебя здесь жила маленькая шавка Тима, оставшаяся от старика.

Тебя привезли на лодке с главного острова. Ты сам влез в неё, когда матросы загружали продукты. Они спрашивали у местных, кому нужна собака.

К тому времени я уже остался один. Эви не выдержала такой жизни и уехала.

А может, дело было не в острове — просто для меня не нашлось места в её мире.

Тима ушла вскоре после неё.

Мы с тобой сразу поняли, что нужны друг другу. Помнишь, как ты выпрыгнул из лодки и сразу бросился ко мне?

Старина Джим… ты никогда не оставлял меня. Всегда был рядом.

Глава четвертая

Однажды Эви позвонила, а потом приехала в больницу. Я как раз заканчивал смену.

— Мне всё понятно! — с порога бросила она резко, даже не поздоровавшись.

Эви не любила тратить время на лишние разговоры.

Я посмотрел на неё.

— Что понятно? По-моему, ты просто тратишь время зря: все острова давно заняты. Давай лучше подумаем, где проведём вечер?

В небольшом ресторане возле больницы я заказал лёгкий ужин. Она попросила только кофе.

Пока я ел, она рассказала, что получила письмо от знакомого географа. Он объяснил, в чём ошибка.

— Я всё время искала свой остров в Карибском море или в Атлантике. А там действительно всё уже заняли. Десятки стран — Мексика, Багамы, Панама, Коста-Рика... Всё давно освоили, заселили, поделили между государствами. Теперь понятно?

Откинулся на спинку стула:

— Ну и что? Пойми, моя девочка, так будет везде. Разве что отправиться на Северный полюс или в Антарктиду. Там, может быть, что-нибудь отвоюешь у пингвинов или белых медведей.

Она смотрела внимательно, не моргая.

— Скажи только правду, не увиливай. Ты на самом деле хочешь всё бросить… и уехать со мной?

Хотел ли я этого? Не мог ответить даже самому себе. Мне нравилась моя жизнь, моя работа. Я чувствовал, что приношу людям пользу. У меня есть друзья, знакомые. Здесь похоронены мои родители.

И всё же в последнее время что-то изменилось.

Был один пациент… молодой парень. Казалось, что у него есть шанс.

Он смотрел на меня так, будто я уже спас его — верил, не сомневался ни на секунду.

Я держал его за руку, видел умоляющие глаза, говорил, что всё будет хорошо. Но потом понял: уже нельзя ничего сделать.

После этого во мне что-то сломалось. Я не имел права ошибаться. Должен был сделать всё возможное для каждого больного. Не просто давать надежду, а спасать.

Как можно оставить всё это и уехать на край света — на остров, который существует только в её мечтах?

Когда попытался объяснить, она встала из-за стола и ушла, не сказав ни слова.

Хотел догнать её, извиниться, сослаться на усталость — но остался сидеть, глядя на чашку с недопитым кофе. Она ещё была тёплой.

Домой побрёл пешком. Поздняя осень. Холодный ветер тянул сыростью. Я шёл и думал.

Эви поделилась своей несбыточной мечтой, которой она живёт.

А что сделал я? Посмеялся, попытался вернуть её на землю, растоптать мечту. Я не имел на это никакого права.

Нужно извиниться. Если только она захочет со мной говорить.

«А что, если это и моя судьба?» — подумал я.

Мысли шли одна за другой, почти без пауз, словно кто-то подталкивал их. Где-то внутри я уже чувствовал: так долго не выдержу — слишком велика цена ошибки.

Эви мне нравится… Почему бы не рискнуть?

Может, есть такое место, где мы сможем жить совсем одни — и будем счастливы?

Я остановился посреди улицы.

Вокруг шли люди, проезжали машины, кто-то разговаривал, кто-то спешил —

и вдруг всё стало чужим. Я уже не принадлежал к этому миру. Постоял несколько секунд, прислушавшись к себе

И только потом понял: если позовёт, уеду вместе с ней.

Вернувшись домой, сразу набрал её номер. Но, услышав мой голос, Эви бросила трубку.

Я так и остался стоять с телефоном в руке.

Глава пятая

Сегодня снова весь день лил дождь. Он грохотал по крыше так, что заглушал даже шум океана. Казалось, кроме этого звука больше ничего не осталось.

Я сидел внутри приземистого бетонного строения, которое называл домом. Разве это дом? У него лишь одно преимущество — он не пропускает воду и остаётся сухим изнутри.

Листал набухший от сырости дневник отца, пытаясь найти хоть что-нибудь об Эви. И вдруг понял: в этих записях нет ни её, ни меня.

Отец писал о своей семье: о родителях, о сестре, об отношениях с моей матерью.

Но обо мне — ни строчки. Даже слова «сын». Как будто меня никогда не было.

На последних страницах он пишет, как трудно ему после смерти матери. Укоряет себя: оказался слабым, топит горе в виски, не знает, как жить дальше.

А потом — пустота.

Хотя я был рядом.

Старался помочь.

Позже начинаются странные записи: какие-то черти — будто пришли за ним. Он понимал — это бред.

Однажды рассказал об этом случайному собеседнику. Тот посоветовал немедленно бросить пить — пока черти не утащили в преисподнюю.

Отец испугался. Решил не только отказаться от виски, но и уехать, бежать из дома. Думал, так избавится от этих кошмаров.

Последние записи — о подготовке к отъезду:

«Собрал всё необходимое.

Надо ехать.

Здесь больше нечего делать».

И ни слова о том, как позвал меня.

Как мы сидели в тот последний вечер и разговаривали.

Наверное, не успел.

Или не захотел возвращаться к этому.

Дневник заканчивается двумя словами, выведенными крупными буквами: «В ПУТЬ!».

Что он имел в виду — эту поездку или нечто большее, — не знаю.

К вечеру стало совсем темно, а дождь всё не прекращался.

Он шёл ровно, без пауз — будто время остановилось.

Джим спал, положив большую голову на лапы.

Я думал — напряжённо, почти болезненно.

Допустим, Эви не была хорошей студенткой. Сидела в аудитории тихо, незаметно. Отец просто не обратил на неё внимания.

А я?

Я его сын. Он знал, чего я добился.

Однажды, уже здесь, на острове, ко мне привезли человека на лодке. Сказали — не доживёт до утра.

У него был жар, он почти не приходил в сознание, дыхание было тяжёлым, с хрипом. Кожа — горячая, сухая.

Несколько дней не отходил от него — поил, охлаждал, колол всё, что у меня было, менял повязки, следил за

дыханием. Ночами не спал, только прислушивался — дышит ли.

Иногда казалось, что он уже ушёл.

Но он держался.

Потом жар начал спадать. Он открыл глаза, посмотрел на меня — как тот парень в больнице.

Только этот выжил.

Он приходил ко мне ещё — уже на своих ногах. Смеялся, благодарил.

Я слушал и думал: почему тогда не смог?

Может быть, отцу казалось, что этого мало. Или он хотел видеть меня другим — например, преподавателем в университете.

Я снова подумал об Эви.

Прошло много лет с тех пор, как она сказала, что не может больше оставаться на острове — устала, всё надоело.

Остров изменил её. Она быстро повзрослела и, наверное, поняла: мечта, ради которой приехала сюда, была лишь фантазией.

Нет рая на земле.

Океан, пальмы, солнце, песчаные пляжи — всё это быстро теряет очарование, стоит только надвинуться тучам.

А потом начинается дождь.

Не тот, который проходит — а тот, который не отпускает.

Я очень любил Эви — и тогда, и сейчас, хотя её нет со мной уже очень давно.

Наверное, буду любить до конца жизни.

Пошёл восемнадцатый год с тех пор, как мы приехали на этот остров. Волосы и борода, когда-то тёмные, давно поседели.

Пытаюсь вспомнить её лицо, но память каждый раз меняет его.

Когда Эви уезжала, она предложила мне вернуться на материк.

Я остался. Понимал: всё уже решено. Мы не будем вместе — даже если я уеду.

Она устала от меня.

После её отъезда я ещё долго ждал.

Каждый раз, когда к острову подходила лодка, сердце начинало колотиться.

Смотрел — вдруг это она. Подойдёт, обнимет, возьмёт за руку, скажет, что скучала.

Порой казалось, что я уже вижу её —

и только потом понимал: это — мираж.

Она не вернулась.

Ни в первую неделю. Ни в первый месяц. Ни потом.

Однажды, когда подплывала лодка, я понял: больше уже ничего не жду.

Моё сердце перестало трепетать.

Но боль осталась навсегда.

Глава шестая

Этого студента, проходившего практику в нашей больнице, я заметил сразу.

Не мог понять, откуда он. В лице угадывались азиатские черты, но он не походил на китайца, на корейца или на филиппинца — какая-то странная неуловимая смесь.

Однажды практикант подошёл и попросил уделить ему несколько минут.

Мы зашли в пустой кабинет.

— Я из Гуама, — сказал он. — Это небольшой остров в Микронезии, в Тихом океане. У нас не хватает врачей. Когда закончу практику, вернусь домой.

Он говорил спокойно, но в голосе чувствовалось напряжение.

— Люди там живут недолго. Климат тяжёлый, условия тоже. Многие не верят в медицину, некоторые вообще не обращаются к врачам — идут к знахарям и шаманам. Рядом с нами есть ещё десятки маленьких островов. Их жители тоже болеют.

Он замолчал, затем добавил:

— Я вижу, как пациенты доверяют вам. Скажите, доктор… как сделать, чтобы они поверили в медицину?

Молодой врач действительно беспокоился о своём народе. Но чем я мог ему помочь?

Мы долго говорили о Гуаме, о людях, о крошечных островах, затерянных в океане.

— Одна моя знакомая мечтает о таких местах, — сказал я. — Хочет уехать и остаться там навсегда. Как вы думаете, это возможно?

Он ответил не сразу:

— Возможно. Только не думаю, что она найдёт то, что ищет. Там тяжёлый климат: жара, тайфуны, ураганы, тропические ливни. Они могут идти месяцами.

Я поблагодарил его и обещал передать всё «знакомой».

Вечером позвонил Эви, и мы встретились. Когда рассказал ей о Тихом океане и разбросанных там островах, она обрадовалась так, будто выиграла в лотерею. Бросилась ко мне, обняла, поцеловала — прохожие оглядывались, но ей было всё равно.

— Ты понимаешь, что это значит? — говорила она, не отпуская меня. — Мы нашли его. Наш остров.

Я попытался напомнить слова врача — о климате, болезнях, людях, которые не доживают до старости. Но она перебила:

— Когда мы можем поехать?

Я предложил сначала посмотреть, побыть там хотя бы пару недель.

— Зачем ждать? — резко оборвала она. — Ты сам сказал: там есть острова, где можно жить.

Она смотрела на меня так, будто всё уже решено.

Эви жила своей мечтой. Близких у неё не осталось. Мать умерла, когда малышке не исполнилось и года.

Детский дом — всё её детство. Ничего другого она не знала.

У меня не было никого, кроме неё.

Если она уедет — я снова останусь один.

Решили: в течение месяца закончим все дела и уедем на Гуам.

Молодой врач дал контакты людей, к которым можно обратиться, пообещал написать им. Он обрадовался, когда узнал, что я еду туда насовсем — думал, буду лечить людей.

Так и вышло. Только не в больнице — я стал врачом нескольких десятков человек на разбросанных островах.

Я продал дом, машину — всё, что у меня было. Взял с собой лишь небольшой чемодан.

Рядом была Эви. Тогда этого казалось достаточно.

Гуам встретил нас тяжёлым, влажным воздухом. Он лип к коже, мешал дышать.

Эви радовалась как ребёнок. Её мечта была совсем рядом.

Дальше — лодки, чужие лица, короткие разговоры.

Острова сменяли друг друга.

Одни — с людьми. Другие — пустые.

Мы искали свой.

В один из ярких, солнечных дней нас привезли сюда.

Старик долго смотрел, потом кивнул, будто решал — оставлять нас или нет. Потом предложил помочь: научить всему, что нужно для жизни, а потом оставить всё нам.

Эви была в восторге.

Остров нам сразу понравился: песок, пальмы, кокосы, хлебные деревья, бананы.

Старый отшельник прожил здесь больше сорока лет. О прошлом не рассказывал — жил только настоящим. Говорил мало, словно стеснялся собственного голоса. Волосы и бороду почти не стриг — заплетал в косички, перевязывал верёвкой. Из одежды — тёмная тряпка на бёдрах. Кожа — почти

бронзовая. Рядом с ним всегда бегала маленькая собака — Тима, почти слепая.

Он учил нас всему: ловить рыбу, сохранять её, собирать плоды, разводить огонь, укрываться от дождя. Помог построить жильё. Помню, как впервые заставил меня самого чистить рыбу. Я делал это неловко, медленно, а он молча смотрел, не помогая. Только когда я закончил, кивнул — как будто этого было достаточно.

Эви сияла. Она нашла то, о чём мечтала.

Я был рядом — и этого казалось достаточно.

Иногда она вдруг замолкала — на несколько секунд, словно прислушивалась к чему-то внутри. Я спрашивал, всё ли в порядке. Она улыбалась и говорила, что да. Я верил.

Однажды позвал её — она не откликнулась. Нашёл на берегу: она стояла и смотрела на воду, не замечая меня. Когда коснулся её плеча, Эви вздрогнула.

Мы купались в тёплом океане, бегали по песку, дурачились, по вечерам разводили костры и молчали. Искры взлетали вверх, вспыхивали — и гасли, так и не дотянувшись до неба.

Однажды вечером мы долго сидели у костра. Эви вдруг сказала, что боится — не потерять это место, а привыкнуть к нему.

Я не понял.

Вскоре начались дожди.

Небо потемнело, стало тяжёлым, низким. Облака опустились так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой.

Сначала Эви пыталась делать вид, что всё по-прежнему. Смеялась, шутила — чуть громче, чем обычно.

Но скоро настроение её изменилось. Она стала чаще молчать. Долго сидела, глядя в одну точку, не отвечала, когда я старался заговорить с ней.

И вдруг срывалась — говорила резко, зло, обрывая фразы: здесь нечем дышать, это ошибка, всё не так, как представляла.

Как-то ночью Эви вышла под жуткий ливень. Я догнал её у берега. Она сказала, что не может больше слышать этот шум — и тогда я впервые понял, что речь не только об океане.

Я не узнавал её и думал, что это пройдёт.

Пытался вернуть — уговаривал немного потерпеть, снова и снова повторял что всё изменится, когда закончится сезон дождей. Но она смотрела на меня так, будто видит впервые.

И однажды сказала, что устала от меня.

Я решил — это из-за погоды, надеялся, что всё ещё можно исправить.

Не понимал — что именно.

Она решила уехать.

Эви ждала лодку. В это время года она приходила редко — могла не появляться целый месяц. Я надеялся на чудо: выглянет солнце, она передумает, лодка не придёт вовсе.

Но небо оставалось тяжёлым.

Когда сквозь шум дождя донёсся глухой звук мотора, я сначала не поверил. Потом вышел к берегу.

Эви уже стояла там — с маленькой сумкой, с которой мы прилетели.

Всё произошло слишком быстро.

Я умолял остаться, понимая, что это ничего не изменит.

В ответ — только лёгкое покачивание головы.

Мы стояли рядом. Я пытался найти слова — важные, правильные. Но все слова закончились.

Лил дождь, и я не мог понять, плачет она или нет.

Когда судно подошла ближе, Эви посмотрела на меня — коротко, как будто уже издалека.

На мгновение показалось: сейчас что-то скажет.

Я ждал.

Но она отвернулась и поднялась на борт.

Я надеялся, что всё можно остановить. Что она обернётся.

Не обернулась.

Лодка медленно отошла от берега и растворилась в серой пелене тумана.

Глава седьмая

Старик умер вскоре после отъезда Эви.

Однажды утром он просто не вышел из своей бетонной кельи.

Я коснулся запястья — пульса не было. Он лежал так, будто просто заснул.

Как врач, я понимал — это должно было случиться: с каждым днём старик слабел, болезнь брала своё. И всё же смерть пришла неожиданно. Я стоял рядом и не знал, что делать дальше.

Казалось — сейчас откроет глаза и посмотрит на меня, как обычно, молча, без вопросов.

Старый отшельник принял нас с Эви, научил самому необходимому — и оставил мне всё. Я так и не узнал, кем он был на самом деле.

Думаю, старик чувствовал, что уходит, и хотел, чтобы рядом был человек, который закроет ему глаза и похоронит как подобает.

Тима несколько дней скулила, бегала по острову, искала хозяина.

Иногда подходила ко мне и смотрела так, будто я должен был вернуть его.

Потом притихла.

Я похоронил старика на берегу океана.

Положил на могилу небольшой серый камень.

После его смерти перебрался в бетонный дом.

Внутри — всё просто и грубо: деревянный топчан с продавленным матрасом, стол из старого пня, стул, сбитый из веток и перетянутый бечёвкой.

Будто старик просто вышел и сейчас вернётся.

В подвале я нашёл несколько засоленных рыб, завернутых в сухие пальмовые листья.

Похоже, в последние дни он почти ничего не ел.

Небольшая кухня примыкала к дому. Там был сложен камин — для копчения рыбы и приготовления пищи.

У стены лежали настроганные палочки лучины.

Старик зажигал их по вечерам, чтобы продлить день.

Я тоже зажёг одну.

Лучина горела тускло, от неё исходил тёплый, смолистый запах.

Я сидел и думал: из какого дерева он их делал. И сколько таких вечеров прожил здесь один.

Впереди первый — самый трудный год.

Нужно пережить дожди, жару, тайфуны, штормы — и понять, выдержу ли я эту жизнь.

Уроки старика пригодятся.

После него осталась лодка — старый каяк, на котором он выходил в океан.

Перед каждым выходом её приходилось чинить, латать.

Теперь этим занимался я.

Чтобы выжить, нужно было научиться всему.

Эви не вернулась.

Ни на свой остров — ту самую мечту, ради которой всё началось, ни ко мне — человеку, который помог её осуществить.

Что стало с ней после отъезда, я, наверное, уже никогда не узнаю.

Порой кажется, что просто перестал для неё существовать.

Знаю только, что буду помнить её всегда.

Через несколько месяцев после смерти старика умерла Тима.

Теперь на острове слышался только шум океана и крики чаек.

Глава восьмая

Последняя бутылка опустела.

Виски растёкся по телу, но не принёс ни облегчения, ни забытья. Он лишь обострял мои страдания от бессилия и одиночества, заставлял сильнее чувствовать пустоту после её ухода.

Теперь я понимал отца.

После смерти матери он тоже не мог ничего изменить.

Я позвал его — сначала тихо, потом громче. Снова спросил — почему в дневнике нет ни слова — ни обо мне, ни об Эви.

Он ответил.

Или мне показалось.

— Зачем писать о тех, кто уходит, кто бежит от реальности, ищет острова где-то в океане, бросает всё, что было построено с таким трудом?

— Ты не мог этого знать, отец...

Мы уехали уже после твоей смерти. Тогда мы с Эви ещё даже не были знакомы. Она пришла на похороны — там мы и встретились.

Говорил вслух — с отцом или просто с самим собой.

Старый отшельник этого никогда не делал и, наверное, поэтому почти потерял способность общаться: он не разговаривал, а скорее лаял обрывками слов или мычал, когда хотел привлечь к себе внимание.

Я говорю при любой возможности — с собой, с Джимом, с отцом, с Эви.

Когда они отвечают — или мне кажется, что отвечают, — я уже не чувствую себя таким одиноким.

— Отец, а если Эви вовсе не была твоей студенткой и ты совсем не знал её? Тогда кто она? — спрашивал я и ждал, вслушиваясь в тишину. — Может быть, она пришла на похороны, чтобы познакомиться со мной… но зачем? Откуда она могла знать, что я помогу ей?

Нет… здесь что-то не так.

Я должен спросить у неё самой.

И вдруг меня пронзила мысль: если Эви не была студенткой отца, если он её не знал… то, может быть, и я не его сын?

Поэтому он ничего не написал обо мне в дневнике?

Надо спросить у мамы, ведь я точно её сын — очень похож на неё.

Голова кружилась. Мысли путались, цеплялись одна за другую. Понял только одно: нужно остановиться.

Хватит на сегодня этих разговоров.

Это уже похоже на безумие.

Я задул лучину. Комната сразу погрузилась в темноту.

Они приходили ко мне только по вечерам — когда я зажигал эти палочки. Сначала не понимал, что происходит. Думал — усталость, виски, одиночество.

Потом заметил: дело в лучинах.

Это даже не дерево — скорее какой-то кустарник. Дым, особенно от свежесрезанных веток, наполнял воздух сладковатым запахом, вызывал галлюцинации. Мысли становились вязкими, чужими.

Я перестал их жечь.

Несколько вечеров сидел в темноте.

Слушал океан. Ждал. Никто не приходил.

Тогда я снова зажёг одну.

Долго держал её в руке, прежде чем поднести к огню. Понимал, что делаю.

Мне нужно было говорить с ними, услышать их.

И они вернулись.

Со временем действие лучин ослабевало. Оставался только запах.

Но сначала...

***

Ночью дождь прекратился. Я заснул тяжёлым, беспокойным сном. Проснулся, как только забрезжил рассвет.

В комнате было что-то не так.

Джим.

Он вышел раньше меня — я не слышал его. Куда? Почему так рано? Встретить лодку? Но она не приходит по утрам.

Наверное, виски подействовал как снотворное. Он мог проситься наружу... может, я открыл ему дверь?

Помню только разговоры — с теми, кого здесь нет.

Я вышел наружу.

Кругом стояла вода. Она доходила почти до колен.

Остров в океане, солнце, пляжи, пальмы... Всё это было — и всё оказалось не тем.

Конечно, Эви была права, когда ушла.

Сбежала от своей сбывшейся мечты.

Вспомнил фразу, услышанную когда-то давно: будь осторожен в своих желаниях — они могут исполниться.

Теперь я живу в этом мире.

В том самом, о котором она мечтала.

Только этот мир оказался совсем другим.

Я звал Джима, кричал, искал его повсюду — но он не отзывался.

Брёл по воде. Теперь понадобится не одна неделя, чтобы солнце высушило остров.

А пока в стоячей воде появятся малярийные комары, мошки, гнус... Старик учил, как от них спасаться, как делать мазь с тяжёлым, резким запахом и втирать её в кожу. Несколько недель придётся терпеть.

Я шёл к берегу. Песок размок, превратился в вязкую жижу. Ноги проваливались, тянули вниз.

И вдруг подумал: Эви была права — стоило уехать с ней.

На большой земле мы могли бы спасти то, что у нас было...

Я увидел его не сразу.

Он лежал на камне — на могиле старика.

Лапы свесились, касаясь воды. Мой верный друг уже не дышал.

Он ушёл один. Не захотел, чтобы я видел его последние страдания.

Я сел рядом, гладил мокрую шерсть, прижимал к себе большую, тяжёлую голову.

Сколько лет ты был рядом со мной, Джим...

Сколько раз вытаскивал меня из этой тишины.

Теперь тишина стала полной.

Глава девятая

Закончился декабрь, наступил январь. Солнце снова светило и прогревало землю. Через две недели остров стал пригодным для жизни. Пальмы выпрямились после дождей, листья налились влагой, потемнели. Ветер снова проходил сквозь кроны, и они тихо шумели. Наконец приплыла лодка.

Ребята, увидев меня, стали спрашивать, как я пережил это время, говорили, что выгляжу неважно.

Я машинально провёл рукой по лицу. Борода отросла, волосы спутались. Но в остальном я следил за собой — носил одежду, обувь, не ходил, как старик, в одной набедренной повязке.

Приходилось бывать у людей, лечить, помогать. Я не мог позволить себе выглядеть так, будто окончательно выпал из жизни.

По словам лодочников, в этом году осадков выпало значительно больше обычного. Многие деревушки оказались затоплены, погибли люди.

— Скоро ты получишь сюрприз. Недели через две, погоди немного, — говорили они.

— Всё, что мне нужно сейчас, — это большая собака. Я только что похоронил Джима.

— Не волнуйся, найдём мы тебе собаку, — обещали они.

***

Я получил очередную партию виски. Надо будет отменить доставку алкоголя или хотя бы уменьшить заказ. Дожди закончились, и теперь не нужно безвылазно сидеть дома. С началом сухого сезона хлопот прибавилось: нужно починить лодку и наловить рыбы. Я принялся за дело.

По утрам песок был испещрён следами — ночью крабы выходили из нор, копошились у воды. Я ловил их, бросал в ведро. Они долго шевелили клешнями, словно не верили, что выбрались из темноты.

Иногда вместе с крабами попадались черепашьи яйца — старик показывал, где их искать. Я брал не все. Часть оставлял в песке.

В океане снова появилась жизнь. В прозрачной воде мелькали рыбы, к берегу подплывали дельфины, на мгновение показывались из воды и исчезали. Где-то вдалеке, за рифами, мелькали чёрные плавники акул.

Первый улов оказался удачным. Рыбы хватит на несколько недель. Немного поджарю, пока она свежая, остальное засолю впрок. Обычно, после удачной рыбалки, Джим радовался, бегал вокруг, громко лаял. Теперь радоваться некому — Джима больше нет. Может, команда с лодки вспомнит обо мне и действительно найдёт новую собаку.

Вечером я лежал на песке и смотрел на яркие ночные звёзды. В сухой сезон, если небо чистое, они кажутся особенно близкими. Когда-то я мог найти несколько созвездий, но теперь всё забыл.

Надо мной медленно качались тёмные силуэты пальм. Где-то рядом шуршал песок — крабы выбирались из нор.

***

Я вспомнил о «сюрпризе». Что это? Может быть, кто-то с большой земли решил навестить меня? Стал перебирать разные варианты — один за другим.

У меня не было ни сестёр, ни братьев.

И, может быть, я называл отцом другого человека, который не сказал обо мне ни слова, оставаясь наедине с собой.

Может, это Эви?

Решила увидеть меня, расспросить, как я прожил здесь целых восемнадцать лет. Наверное, не узнает меня: я выгляжу гораздо старше своих лет.

Где ты была раньше, Эви?

Почему не приехала, не забрала меня отсюда?

Неужели мы снова встретимся — но зачем?

Ты не любишь меня. Наверное, и не вспоминала все эти годы.

А что, если ты была беременна, когда уезжала, и ничего не сказала?

Сейчас ребёнок — сын или дочь — уже вырос, и ты решила познакомить нас?

Стоит ли?

Что я могу рассказать о своей жизни?

Что разговариваю по ночам с покойниками?

Что зажигаю палочки, чтобы одурманить сознание?

Что пью виски бутылками, чтобы забыться?

Нет, Эви.

Ты ушла от меня раз и навсегда.

И тебе не стоит возвращаться.

Может, это отец — настоящий отец, не тот, который воспитывал меня.

Если это ты, то тебе и вовсе не следует приезжать сюда. Я не знаю и не хочу знать правду. К чему она мне?

Если тебе некому оставить наследство, выбрось свои деньги в воду или отдай бедным.

У меня есть счёт, которым пользуются те, кто доставляет мне продукты. Проценты покрывают все расходы.

Больше мне ничего не нужно.

Кто-то ещё?

Не трудитесь — напрасно приедете.

Не нужны мне такие сюрпризы.

Всё, что мне действительно нужно сейчас, — это большая собака, которая станет мне другом, заменит людей, скрасит одиночество и никогда не предаст.

Поздно вечером появился старик-отшельник. Он смотрел на меня и укоризненно качал головой.

Я хотел поговорить с ним, спросить, что делаю не так, но тот молчал, как всегда.

Постояв немного, он махнул рукой, снова покачал головой — и ушёл.

Глава десятая

Сюрпризом оказались двое совсем молодых, влюблённых романтиков. Глупых — как и мы с Эви много лет назад.

Они хотели переселиться на остров, вдали от людей, от цивилизации. Только были умнее: решили сначала присмотреться, пожить немного, попробовать.

Я помнил все уроки старика. Сначала помог построить временное жилище — шалаш для их счастья. У ребят горели глаза, когда они смотрели на море, пальмы, солнце, песок. Такой блеск был у Эви, когда ей казалось, что мечта сбылась.

Я показал, как ловить рыбу — где она подходит ближе к берегу, научил ставить сети.

По утрам песок был весь в следах — мы шли по ним и находили крабов.

Ребята быстро привыкли к этому. Собирали плоды, бананы, радовались, как дети.

Мы много разговаривали. Они слушали внимательно, но больше смотрели на океан.

На острове снова зазвучали голоса и смех, как восемнадцать лет назад.

Только теперь стариком-отшельником был я.

Я говорил с живыми людьми — не с покойниками, не с воображаемой Эви, не с самим собой.

С живыми — из плоти и крови.

Хорошо, что сохранил голос.

Они бегали по острову, дурачились, громко смеялись, купались в океане до ночи, загорали.

У меня на это уже не было ни сил, ни желания. Я смотрел на них и улыбался — со слезами на глазах.

Вспоминал нас с Эви и время, когда мы были вместе.

Мы вели себя так же: бегали, купались, загорали, смеялись, любили друг друга, думая, что нашли свой рай на земле.

Тогда мы ещё не знали, что рая нет.

Есть только сухой сезон на маленьком острове, затерянном в океане, и длится он всего несколько месяцев.

Потом всё заканчивается.

То же самое ждёт и эту пару, которая сейчас смеётся под солнцем.

Хорошо, что они не бросили всё, как мы, а приехали только посмотреть.

Наступил вечер. Мы разожгли костёр на берегу и сели на песок.

Искры поднимались вверх и гасли, не долетая до звёзд.

— Не хочу вас расстраивать, ребята, — сказал я, — но вам здесь не место.

Они смотрели на меня, не понимая.

Я рассказал о нас с Эви, о старике, о сезоне дождей, который превращает этот рай в серый, тяжёлый клочок земли.

Солнце исчезает.

Дожди идут неделями.

Песок становится вязкой жижей.

Вода не уходит.

Появляются комары и мошки.

Не каждый это выдержит.

Девушка обняла парня. Они переглянулись.

— Я остался, потому что хотел что-то доказать. Ей… или себе.

А может, просто не хотел возвращаться.

Теперь поздно что-то менять — жизнь прожита.

Если не верите — посмотрите на меня.

Кожа почернела, вся в волдырях, зубов почти не осталось, волосы поседели.

Как вы думаете, сколько мне лет?

— Шестьдесят два, — сказала девушка.

— Шестьдесят четыре, — добавил парень.

— Почти угадали, — ответил я с усмешкой. — Мне сорок шесть. Прожил здесь восемнадцать лет.

— Пойдёмте, — сказал я и поднялся.

Мы вышли на берег, к большому, потемневшему от времени камню, — могиле старика.

— Здесь похоронен старый отшельник.

Он прожил на острове почти всю жизнь.

Я замолчал.

Рядом лежал другой камень. С выбитыми инициалами и годом рождения.

— Это моё место, — сказал я спокойно.

Девушка невольно сделала шаг назад.

Парень посмотрел на меня, потом на камень.

— Вы… серьёзно?

Я утвердительно кивнул.

Больше никто ничего не сказал.

Ветер с океана усилился, тянул солью и водорослями.

Ребята остались ещё на неделю.

Но настроение их совсем изменилось.

Потом приплыла лодка. Они сели в неё — и вскоре скрылись из виду.

***

Я даже обрадовался, когда молодые люди покинули остров. Не хотелось, чтобы кто-то из них повторил мою судьбу. Почему старик не поступил тогда так же, как я? Почему не сказал нам всей правды, не отправил глупых, молодых романтиков — обратно?

Думаю, он просто не хотел умирать один.

Лодочная команда так и не смогла найти мне большую собаку.

Предлагал любые деньги — но друга купить нельзя.

Наступил июнь — первый месяц сезона дождей.

Небо всё ещё оставалось чистым, светило солнце… ничего не предвещало перемен.

Я перечитывал дневники отца снова и снова. И вдруг наткнулся на имя.

Сначала не понял. Потом вспомнил — так меня называли в детстве.

Он писал о сыне, гордился мною.

Я просто не узнал себя сразу.

Все дела закончены.

Скоро наступит сезон дождей, а точнее, тяжёлого серого неба, непрекращающегося ливня, бездействия и пьянства.

Первый сезон дождей, который мне предстояло пережить совсем одному.

Я вспомнил отца: после смерти матери он не мог прийти в себя целый год.

Я не могу прийти в себя после отъезда Эви восемнадцать лет.

Смогу ли я пережить эти долгие месяцы?

Не сойду ли с ума?

Только ради того, чтобы когда-нибудь закончился дождь и снова выглянуло солнце?

Нет. С меня довольно!

Отец вышел из добровольного заточения через год.

Я выхожу — через восемнадцать лет.

Мне нужно уйти.

Сменить обстановку.

Пусть даже просто проехать по островкам архипелага.

Я проверил каяк — готов ли он к такому пути.

Дно, кажется, целое.

Я никогда не выходил дальше нашей бухты.

Впрочем, какая теперь разница?

Собрал самое необходимое, загрузил всё в лодку и в последний раз посмотрел на остров.

В ПУТЬ!

Эпилог

Эви — красивая женщина лет сорока, стройная, с хорошей фигурой. Она уверенно вошла в комнату.

Загорелое лицо и руки, минимум косметики.

«Следит за собой, много времени проводит на воздухе», — подумал я.

Мы, психотерапевты, привыкли замечать такие детали ещё до начала разговора.

— Уютно здесь, — сказала она. — Простите, не представилась сразу. Меня зовут Эви. Увидела объявление и решила зайти к вам. Никогда не была у психотерапевтов и, если честно, не люблю ходить по врачам.

Я указал на кресло. Она села, положила сумочку рядом и огляделась.

— О чём бы вы хотели поговорить? — спросил я. — Вы производите впечатление человека, который привык сам справляться с проблемами.

— Я тоже так думала до недавнего времени. Наверное, мне нужно рассказать свою историю.

Лет двадцать назад у меня была мечта. Хотелось бросить всё и поселиться на необитаемом острове, вдали от людей. Глупо, правда? Самое страшное — моё желание сбылось.

Я встретила его… Практикующий хирург. Очень хороший человек. Мы полюбили друг друга… или мне так казалось.

Он помог найти остров — недалеко от Гуама, в Океании. Я не звала его с собой, но он любил меня. Бросил всё: больницу, пациентов, продал дом — и мы уехали.

Эви говорила спокойно, без сожаления, но её руки выдавали волнение: беспокойные, с напряжёнными пальцами.

— Один человек, тоже врач, с Гуама, предупреждал, что климат там тяжёлый, особенно в сезон дождей. Но я не слушала. Мне хотелось как можно скорее уехать — подальше от людей, от цивилизации, жить простой жизнью.

— Скажите, почему вам так хотелось уехать? Что вас так тянуло? — спросил я.

Мне хотелось прервать её связное повествование. Эви, без сомнения, уже рассказывала эту историю знакомым. Просто невозможно держать это в тайне.

Задавая подобные вопросы, мы узнаём то, что люди обычно стараются обходить.

— Мать умерла, когда мне не было и года, отца я никогда не знала. В приютах и детских домах я узнала самую отвратительную сторону жизни.

Интересно, много ли среди ваших пациентов бывших детдомовцев? Поговорите с ними — они вам такого порасскажут.

Я кивнул головой, не желая менять тему:

— Продолжайте, пожалуйста…

— Мы поселились на небольшом острове. Там жил грязный старик с маленькой собакой. Позже узнала, что это был беглый каторжник. Его уже давно не искали — просто оставили в покое. Этот старик научил нас всему: ловить рыбу, собирать плоды, добывать себе пищу.

Через несколько месяцев мой спутник уже всё знал.

На этом острове мы провели удивительное время — наверное, самое лучшее в моей жизни.

Старик построил для нас небольшой шалаш на берегу. Он казался раем.

Мы купались, загорали, смеялись, дурачились, ловили рыбу, собирали плоды, готовили еду. Радовались, как дети.

Но скоро всё закончилось. Начался сезон дождей. Тучи закрыли небо. Солнце исчезло. Ливни шли почти без перерыва.

Эви встала и прошлась по комнате. Теперь она не могла скрыть своего волнения.

Я дал ей время, налил воды. Она кивнула в знак благодарности, медленно выпила.

— Простите, — сказала она. — Наверное, я подхожу к самому тяжёлому месту в своём рассказе.

Эви села, закрыла лицо руками, потёрла пальцами виски.

— Когда начались дожди, всё изменилось... Моё настроение. Наши отношения. Дожди смыли всё хорошее, что было на этом острове. Я поняла, какую ошибку совершила, и решила вернуться домой.

Он пытался удержать меня. Говорил, что это временно, что бури скоро закончатся и снова выйдет солнце.

Но мне становилось всё хуже.

Я сказала, что устала от него, от этого проклятого места. Пусть остаётся, если хочет. Когда пришла лодка, я уехала одна.

Эви замолчала, закрыла глаза.

Я смотрел на неё, пытаясь понять, чего она ждёт от нашей встречи. Чем я могу ей помочь?

Она считает, что совершила в молодости непоправимую ошибку.

И всё же...

Я никак не мог понять: как можно было оставить человека в таком месте?

— Прошу вас, продолжайте, если можете, — сказал я.

Я ждал: продолжит ли она или найдёт повод уйти.

— Осталось совсем немного, — тихо ответила Эви.

Я вернулась домой. Ждала его почти год.

Думала: если одумается, если любит — вернётся.

Мои письма возвращались без ответа — он их не принимал.

— Вы встречались с другими мужчинами? Чем вы жили после возвращения? — спросил я, пытаясь немного разрядить разговор.

— Кем я только не работала: и официанткой, и продавщицей, даже воспитательницей в детском саду. Потом устроилась в одну фирму и... доросла до директора по продажам.

Эви усмехнулась.

— Вы спросили про мою личную жизнь, — продолжала она. — Я обычно об этом не говорю. Да и историю моей молодости никто не знает. Ну ладно... Тем более, это связано с тем, о чём я рассказываю.

Эви выпила воды, закрыла глаза.

Мне показалось, что она колеблется.

Людям кажется, что говорить с психотерапевтом легко. Телевидение любит такие сцены — пациент лежит на кушетке и выкладывает врачу все свои тайны. Если бы режиссёры хоть раз поговорили с нами перед съёмками...

— Сначала у меня никого не было, — сказала Эви после паузы. Потом вышла замуж. Детей у нас не было — мы усыновили мальчика. Несколько лет назад муж умер. И тогда я снова стала думать о прошлом.

Я невольно сопоставил её слова.

Смерть мужа — и возвращение к той истории.

Значит, дело не только в воспоминаниях.

Она живёт с этим уже много лет. И, похоже, так и не смогла простить себя.

— Часто вспоминала того человека. Даже хотела поехать к нему, но так и не решилась.

Когда сыну исполнилось двадцать, рассказала ему эту историю. Он загорелся и поехал туда со своей девушкой.

Я с нетерпением ждала хоть какой-то весточки.

Надеялась... что этот человек одумался, что уехал на большую землю.

Сын с девушкой вернулись через полгода.

Сказали, что видели его.

Он продолжал жить на острове.

Выглядел гораздо старше своих лет.

Грустный. Одинокий. Несчастный...

Эви больше не могла сдержать слёз, она заплакала. Я протянул ей носовой платок.

— Сын сказал, что он всё ещё любит меня, — промолвила Эви сквозь слёзы. — Говорил, что те шесть месяцев со мной были самыми счастливыми в его жизни.

В ней что-то оборвалось.

— Я решила поехать за ним, думала, что смогу уговорить его вернуться на большую землю. Ради меня.

Мне очень хотелось спросить её, почему она не сделала этого раньше.

Но я промолчал.

— Когда я приехала туда, мне сказали, что он погиб. Решил обойти острова архипелага на старой лодке. Каким-то чудом доплыл до ближайшего острова. Его уговаривали остаться, починить её или взять другую — он отказался.

Позже волны выбросили на берег обломки лодки.

Его самого так и не нашли. Ему было всего сорок шесть…

Эви опустила глаза, помолчала.

— Как вы думаете… это моя вина?

— Трудно сказать. У него был выбор: остаться или вернуться. Он выбрал остров.

— Думаю, этот человек сам распорядился своей жизнью. Возможно, чувствовал себя частью вашей мечты — той, которая осуществилась, но не принесла вам счастья…

Эви поблагодарила меня и вышла.

Теперь её походка уже не казалась такой уверенной.

Я остался сидеть, глядя на пустое кресло напротив.

Странно…

Всё время казалось, что я знаю, чем закончится эта история.

Слишком хорошо знаю.

Недавно один больной рассказывал мне её.

(Июль 2024 — Апрель 2026)

Об авторе

Марк Лэйн — литературный псевдоним писателя, автора рассказов, повестей, очерков и литературных миниатюр. Основное направление его творчества — психологическая проза, в центре которой внутренний мир человека, его чувства, переживания и взаимоотношения с окружающими. В последних произведениях автор также обращается к исторической и мистической тематике.

Литературным творчеством занимается с 2023 года. За это время написал несколько десятков произведений.

Среди его повестей — **«Прозрение»**, **«Окно в Париже»**, **«Тени на стене»**, **«Зоопарк»**. Среди рассказов — **«Виолончелистка»**, **«Рукопись»**, **«Молчание»**, **«Ревность»**, **«Восход солнца»**, **«Под стук колёс»** и другие.

Рассказы Марка Лэйна публикуются в периодической печати, в том числе в газетах **«Реклама и жизнь» («РиЖ»)** и **«Оптимист»**. Его произведения также представлены на литературных интернет-площадках и авторском сайте.

В 2026 году вышла книга **«Тень дьяка»**, написанная совместно с Викторией Покровской. В её основе — историко-мистическая дилогия, объединяющая события старой Москвы и современности, реальные исторические обстоятельства и вымышленные судьбы героев.

Сайт автора: https://marklaine.com

Проза.ру: https://proza.ru/avtor/marklaine

Электронная почта: author@marklaine.com